ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"NUESTRO PAIS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 486878

Correo Central B. Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL
Concesión Nº 4233

AÑO VII Buenos Aires, Jueves, 23 de Junio de 1955 • Буэнос Айрес, четверг, 23 июня 1955 года № 283

Николай Кремнев

РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Двести пятьдесят лет тому назад бороды и полы кафтанов были отрезаны, но не у всех, а только у тех, кто должен был войти в состав формировавшегося тогда правящего сословия, т. е. диктатуры дворянства, на манер тогдашнего просвещенного Запада. Лиха беда, коли дело ограничилось бы всего лишь бородами и кафтанами. Но тогда начисто была рассечена духовная связь составных частей русского народа. мужиков и городского населения с одной стороны, с ведущим слоем государства с другой стороны, которому было приказано не только иметь внешне европейский вид, восприняв европейскую цивилизацию, но и начать думать, вернее миросозерцать по-европейски, т. е. по иностранному, что порой стало выражаться у сверхевропеизорванных русских даже плохим знанием своего родного, казалось бы, языка.

Так разверглась зияющая пропасть между двумя образовавшимися в России миропониманиями — русским и европейским. Ф. М. Достоевский тщетно пытался, пока было, может быть, еще не поздно, засыпать эту пропасть, но все его предупреждения оказались тщетными, а потому неминуемая катастрофа и разразилась в 1917 году.

Очень поучительно вспомнить в наши дни неудавшуюся когда-то попытку «хождения в народ» наших революционных европейцев из бунтующих дворян, порвавших свое крепостническое родство, всех этих безвозвратно сгинувших бесов, — пяти шести, семи, восьми и прочих десятников от революции.

Как не могли иметь доверия люди с бородами, лаптями, зипунами, валенками и тулупами к «господам», ими тоталитарно правившим, так точно они не поверили и «освободительной» брехне господ, пустившихся в маскарад «хождения в народ». У костюмированных под народ по этому случаю бар, — а «господами» в глазах так называемого «темного» народа вообще были все образованные люди, — мозги все равно оставались вывернутыми на европейский, но на этот раз «либеральный», лад, и мужик, разумеется, не клюнул на эту фальшивую приманку чудивших бар.

Хотя и давно все это произошло и трагично для всех нас, россиян, по своим последствиям в конце концов закончилось, но моря крови и слез и по сей день все продолжают заполнять трагическую пропасть, раздробившую двести пятьдесят лет тому назад русский народ.

Но теперь в России нет больше разделения по признаку наличия или отсутствия бород, когда почти все «господа» физически оказались вырезанными, а концлагерный бушлат сравнял и покрой одежды.

Нам, прожившим долгие десятилетия в эмиграции, и «из чудного далека», как сказал Гоголь, многое передумавшим о нашем отечестве, предстоит, может быть, возвратиться в отчий дом, но не для того, чтобы «идтти в народ», как столь катастрофически ходили когда-то все эти сеятели доброго, разумного, вечного, а вернуться в народ, приобщившись вновь к тысячелетнему его миропониманию. Многомиллионная российская масса вкусившая на деле от древа познания добра и зла иностранных политических доктрин, продукта западно европейской философии, оказалась наглухо забронированной от чуждого ей инородного влияния, а у большинства эмиграции рассеялся мираж безрассудного низкопоклонства перед Западом. Таким путем для многих из нас возвращение в народ и стало возможным.

Николай Кремнев

М. М. Спасовский

О судьбах России

Много писалось и пишется о судьбах России, — и как много горячих надежд возлагалось на дядю. Вот-де придет дядя, разгонит разбойничью банду коммунистов, водворит в России порядок, и опять заживем в довольстве, как то было встарь!

Этой надеждой мы тешили себя десятки лет и до сего дня еще сохранились в Зарубежьи романтики, которые никак не могут разглядеть окружающую обстановку и настроение так называемого свободного мира и понять проводимую этим миром политику. А реальность этой политики проста: сохранить Россию коммунистической в виде СССР, иначе говоря, всеми мерами мешать восстановлению Исторической России. Так это или не так, мы сейчас не будем останавливаться на этом вопросе. Здесь важен один бесспорный факт: — все истекшие 38 лет в конечном итоге всевозможного рода военнополитических событий создали именно такое впечатление — **сохранить коммунизм в России.**

С этим впечатлением трудно бороться хотя бы только по одной причине, — его трудно опровергнуть. Но в данный момент не об этом идет речь, не о дядях, суетящихся вокруг Русского вопроса и его затемняющих, а о нас самих, о нашей способности хотя бы теперь осознать, что нам, русским, не к кому обращаться за помощью, что все вопросы о спасении России от красной тирании мы должны поставить прежде всего перед собою и сами ответить на них. «Ибо судьбы России, — по слову проф. И. А. Ильина, — открыты только нам, русским. Нам не от кого ждать света и спасения, мы можем рассчитывать только на свои силы. Мы сами призваны к тому, чтобы понять, решить и свершить. Наше крушение есть прежде всего духовное крушение, развалилась наша духовная храмина и воссоздать нам надо прежде всего ее» (см. «Русский Колокол», № 1 за 1927 год).

«Развалилась наша духовная храмина», — в этом вся суть русской трагедии и русской судьбы. Именно, потому мы потеряли Россию, что измельчили, засорили и извратили свои духовные представления и ценности. И именно тогда вы восстановим Россию, когда вновь соберем свои духовные силы, чтобы быть крепкими в слове и деле. И если русский народ за 38 лет не сумел общими усилиями Подъяремья и Зарубежья сбросить гнет коммунизма, то это объясняется не столько тем, что коммунистам «бабушка ворожит», — ворожба эта на виду у всех и она бесспорна, а главным образом тем, что мы духовно все еще слабы, все еще рассеяны наши мысли и наша воля.

Думая о спасении России, мы все свое внимание должны сосредоточить исключительно только на себе. Наши враги это понимают прекрасно и концентрации наших духовных сил боятся смертельно и всяческими, то хитроумными (в Зарубежьи), то звер ски-кровавыми (в Подъяремьи) средствами расплескивают и раздирают наши силы. Эта их работа, как мы видим, идет успешно. Но и здесь мы сейчас же должны одернуть себя и сказать себе: — этот успех наших врагов объясняется нашей духовной слабостью. Именно, этой слабостью нашей объясняется разнобой и в наших мыслях, и в наших волевых устремлениях, и во всех наших организационных делах, и в сознании меры своей ответственности перед судьбами нашей Родины. Все мы — и здесь, в Зарубежьи, и там, в Подъяремьи, — антикоммунисты, но лишь малый процент из нас понимает и чувствует до последних глубин своих душевных переживаний, что стремление к нашей общей заветной цели будет всегда фатально бесплодным, пока мы не научимся черпать наше разумение, нашу волю и нашу неутомимость в нашей **религиозной** преданности нашей **Исторической** России.

Наши предки только потому и выковали из княжеств и Московского царства явление Российской Империи, что крепко стояли на духовных основах. Именно потому, что дух их был высок, они смогли овладеть и владели материальными условиями и блестяще разрешали стоящие перед ними государственные задачи, — они подчиняли себе и эти условия и эти задачи, строя, создавая и совершенствуя. Так русский народ был кузнецом своего, ныне нами развеянного, государственного благополучия и величия. Храмина духовная у нас была крепка, — религиозная, иначе говоря, священная преданность своей родине у нас была велика.. И Россия росла, определяя свои судьбы твердостью своих духовных сил на лоне диктатуры нашей православной совести, патриотизма, чувства собственного достоинства и братского объединения во Христе.

Вот, когда мы найдем и воспитаем в себе крепкое сознание такого восприятия России и такого служения ей — вне плана и поверх плана нашей обывательской раздорливости и своих мелких текущих интересов, вот тогда вновь начнет создаваться в нас и среди нас наша храмина духовная и приближаться к своему осуществлению наша заветная цель — освобождение России и восстановление ее державного величия.

М. М. Спасовский

La Tranquilidad Reina en Todo el País

Después de los acontecimientos subversivos que fueron rápidamente reprimidos por las fuerzas del Ejército, la tranquilidad reina en todo el país. Esta expresión, que fuera insistentemente irradiada por radiofonía, a partir del anochecer del jueves 16 de junio, fué luego ratificada por el propio jefe del Estado en el mensaje dirigido al pueblo a mediodía del 17 de junio.

La palabra presidencial tiene el tono que el país debe adoptar como un imperativo de nacionalidad. Los excesos no conducen sino a situaciones trágicas como las que vivió la Capital Federal el día 16 de junio. Nada ganará nuestro prestigio y mucho perderá el país en sí con una prolongación de tensiones espirituales que relajan vínculos esenciales para la paz y el progreso. La rebelión ha sido dominada y sólo resta labor a los órganos encargados de ejercer justicia. El pueblo, en lo demás, tiene una sola misión: cumplir con las exhortaciones del jefe del Estado y contribuir, con su propia serenidad, al apaciguamiento de los ánimos.

("La Prensa", No. 1.276)

Н. Потоцкий

По поводу одной дискуссии

«...Вольнолюбивый русский народ, начиная с предрассветных сумерек своей истории и вплоть до эпохи петровской империи, жил в условиях той свободы, которой пользовались только первые американские поселенцы и о которой народы Западной Европы не имели и не имеют никакого представления.»

«До петербургского периода русской истории самодержавие русских царей, абсолютное на словах, практически ограничивалось интересами государевой казны, да сбором ратных людей. Во всем остальном русский народ оставался свободным в пределах, которые могут показаться почти невероятными человеку нашей просвещенной и гуманитарной эпохи. В быт и нравы народа государство совершенно не вмешивалось. В хозяйственную деятельность — очень мало, в размере менее одного процента современных поборов. И даже в такой сфере как право, государство ограничивало свое руководство самыми основными принципами общежития, которые шли не много дальше десяти заповедей Библии.»

«Свою исконную вольность русский народ начал терять после того, когда на финских болотах возник умышленный — по меткому слову Достоевского — город Петербург и еще более умышленная петербургская империя, в которую проник и прочно в ней утвердился чуждый русскому народу и русской традиции дух западного абсолютизма.»

«В итоге, как мы знаем, из посеянных Петром западных семян выросла единая и абсолютная истина коммунизма — новое и вполне законное звено западного абсолютизма: цезаризм — папизм — коммунизм, а урезанная петербургской империей свобода русского народа была полностью уничтожена.»

Кто из народных монархистов не подпишется двумя руками под этими выдержками из статьи г. Н. Сарафанова «Россия и свобода»? Но кто из них не будет поражен в первый момент, если ему сказать, что эта статья напечатана в майском номере **журнала «Свобода»**? — Не может быть! — воскликнут они, — в «Свободе»? «Свобода» начала вести проповедь монархизма? Та самая «Свобода», которая в предыдущем номере устами своего главного редактора Г. Климова заявила о том, что становление подлинно демократического российского государства началось с февраля 1917 года?

Не волнуйтесь, читатель, и, если вы — монархист, не радуйтесь преждевременно. «Свобода» не намерена сходить со своих принципов «завоеваний Февраля». Статья г. Сарафанова напечатана, согласно примечанию редакции, «в дискуссионном порядке», и на ее автора немедленно направлен один из идеологов ЦОПЭ, некий г. Арнольд, который в своем «Ответе Н. Сарафанову» пытается подвергнуть основные утверждения последнего едкой критике, дабы, не дай Бог, кто-либо из читателей «Свободы», новых эмигрантов, не задумался всерьез над вопросом, чем была для русского народа до-петровская самодержавная монархия и не следовало ли бы ему в своих собственных национальных интересах вернуться при постройке Нового Русского Дома к той народно-государственной традиции, которая обеспечивала ему, этому народу, такую свободу, которая не снилась даже современной Западной Европе.

«У г. Сарафанова» — пишет г. Арнольд — «все, что происходило в России до Петра, окружено ореолом идеализации и больше напоминает приторно-сусальные картинки, нежели историческую действительность. Но пристрастно идеализируя далекое прошлое, г. Сарафанов набирается сил, чтобы столь же пристрастно напасть на последние два столетия русской истории».

«Не знаешь, удивляться ли наивности автора, тешащего себя мечтой о возможности иного, не петровского развития России, или упрекать его в исторической безграмотности?»

«Трагедией для России было не петровское «окно в Европу», а отрыв России от европейской жизни в момент падения Киевского государства. Нашествие кочевников, перенос центра с Днепра в «Залесье», длительная борьба с татарами, раскол церквей, изолировали средневековую Русь, оторвали ее от Европы».

«Сохранение «до-петровской самобытности» было практически неосуществимо и означало ни что иное, как полную изоляцию... Коммунистическая развязка 1917 г. свидетельствует о том, что и петровские реформы пришли поздно, и наследники Петра не сумели вывести народ по стопам великого начинателя на столбовую дорогу европейского развития. Эпоха великих реформ Александра II не нашла плодотворного завершения в последующее тридцатилетие.»

«Для антикоммунистической освободительной революции нет и не может быть иного пути, кроме проторенного общим для всех нас европейским мышлением и европейской практикой пути абсолютной ценности человеческой личности и ее возможно более широкой внешней и внутренней свободы.»

«Совместная жизнь с Европой, творческий и духовный обмен с ней породили великую русскую культуру прошлого и начала текущего столетия.»

«Наша задача — задача русских антикоммунистов — вернуть Россию в Европу, к которой она принадлежит испокон веков. Мы следуем здесь путем, указанным нашему народу Великим Петром, Пушкиным и реформаторами эпохи Александра II.»

«Принципы гуманизма и христианства легли в основу всей европейской культуры, в том числе и русской.»

«Из опыта западных демократий освобожденная Россия может многое почерпнуть.»

*

Прежде всего, нам хотелось бы спросить г. Арнольда, почему, собственно говоря, он ставит не только термин «до-петровская самобытность», но и — в другом месте — «самобытность русского народа» в кавычки, как нечто совершенно никогда не существовавшее и не существующее? Неужели же он будет оспаривать те простейшие истины, которые с предельной ясностью выразил И. Л. Солоневич в своем труде «Народная Монархия», которую г. Арнольд повидимому не читал?

«Каждый народ мира стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю».

«Каждый народ мира, в особенности каждый великий народ, имеет свои неповторимые в истории мира пути. Не существует никаких исторических законов развития, которые были бы обязательны для всех народов истории и современности. Русская государственность, русская национальность и русская культура идут своим собственным путем, впитывая в себя ряд чужеродных влияний, но не повторяя пути никакой иной государственности, нации и культуры истории и современности.»

«Русская национальность, государственность и культура с чрезвычайной степенью резкости отражают индивидуальные особенности русского народа, принципиально отличные от индивидуальных особенностей и Европы и Азии. Россия — не Европа, но и не Азия и даже не Евразия. Это — просто **Россия**. Совершенно своеобразный национальный, государственный и культурный комплекс.»

Исходя из этих утверждений, мы имеем полное право утверждать, что до-петровская Русь была Русью подлинно **самобытной**, и обвинения г. Арнольдом г. Сарафанова в ее «идеализации» и «приторной сусальности» не выдерживают никакой критики в свете исторических **фактов**: в царствование предшественников Петра Русь мирно и спокойно прогрессировала на своем собственном русском пути: трудящиеся массы пользовались высоко развитым самоуправлением: писцовые книги показывают, что крестьянство той эпохи жило в условиях такого материального благосостояния, которого оно никогда не достигло впоследствии: крепостная зависимость не простиралась на **личность** крестьянина и обуславливалась общегосударственными и военно-национальными интересами; между Царем и Народом существовало тесное идейное и органическое единение в лице Самодержавного Монарха, Патриарха и Земских Соборов, никогда не становившихся в оппозицию верховной власти. Никакой «изоляции» не было и в помине: Русь заимствовала от Запада лишь те его технические достижения, которые ей были практически необходимы. Неужели же г. Арнольд не читал даже Платонова, который пишет, что уже «в конце царствования Михаила в подмосковной немецкой слободе жило уже 1.000 семейств из разных европейских стран». «Вместе с европейскими купцами в Москву приглашались с Запада всякие знающие люди. Иностранные офицеры обучали московских людей военному строю и установили в Москве регулярное войско, целые полки «солдат», «драгун» и «рейтар». Иностранные техники пытались искать в разных частях Московского государства золото и серебро, медь и железо. Они устраивали даже заводы, оружейные и литейные. Иностранные доктора лечили царскую семью и московскую знать и завели в Москве первую казенную аптеку. Иностранные мастера всякого дела призывались в Москву... пригласили даже ученого астронома...» и т. д., и т. д. Какое основание имеет г. Арнольд заявлять, что продолжение подобного порядка вещей (и, скажем от себя, его несомненное развитие) «означало ни что иное, как полную изоляцию»? Московская Русь заимствовала от Запада только то, что ей было **практически полезно**, но остерегалась заимствовать именно те, чуждые ее духу идеи и учреждения, которые именно и заимствовал, сверх техники, Петр I: бюрократизацию Церкви, нанесшую удар исконному русскому Православию — жестокий удар по столь высоко ставимой г. Арнольдом «абсолютной ценности человеческой личности», когда своей податной реформой Петр приравнял лично-свободных крестьян к рабам-холопам, «превратив крестьян из государственно тяглых людей в полных господских рабов» (Платонов) — полное подчинение народного самоуправления бюрократии — полную бюрократизацию социального устройства с уничтожением свободного голоса Земли в лице Земских Соборов — и многое, многое другое, что в конечном счете, и породило тот отрыв российского правящего класса от широких трудящихся масс, который, вместе с расцветом крепостного права, явился главной предпосылкой тех коренных социальных противоречий, которые и привели Россию к коммунизму. Или, быть может, г. Арнольд считает абсолютно необходимым петровскую реформу одежды и собственноручное срезывание Петром боярских бород? Напомним ему, что российские бородатые и сермяжные ратники и в своей старинной — и очень удобной — одежде били немцев на льду Чудского озера и поляков под Смоленском и Москвой.

И вот теперь, после всего Россией пережитого, г.г. Арнольды хотят снова тянуть ее «на столбовую дорогу европейского развития». Но не скажет ли нам г. Арнольд, к чему собственно привели эти дороги самое Европу? Не к царству ли того жалкого духовного мещанства, которое узрел еще Герцен вместо мерещившейся нашей беспочвенной интеллигенции — а до сих пор еще и г.г. Арнольдам — «страны святых чудес»? Не к той ли черствой психической, типично-европейской обособленности, при которой человек человеку волк? Не к тому ли культу золотого тельца, перед которым «абсолютная ценность человеческой личности» — пустой звук? Не к той ли жестокой борьбе труда и капитала, при которой мы присутствуем до сегодняшнего дня? Не к тому ли опошлению священных функций верховной власти, которое делает монархов марионетками в руках парламентского большинства, «царствующими, но не управляющими», а президентов республик — ставленниками финансовых групп и политических партий? Не насквозь ли прогнивший западно-европейский парламентаризм советует нам г. Арнольд «почерпнуть из опыта западных демократий»?

Г. Арнольд поучает нас, что наша великая русская культура родилась только в прошлом веке в результате нашей «совместной жизни с Европой». Бедная Россия! Ни глубочайшее национальное самосознание, которым дышат еще наши древние летописи, ни «Слово о полку Игореве» или Моление Даниила Заточника и Поучение Владимира Мономаха, ни просветительная деятельность наших монастырей, ни живопись Андрея Рублева и его блестящей школы, ни возвышенный взлет русского зодчества, создавшего древние и средневековые русские соборы, ни гений Ломоносова — ничто из этого не было проявлением русской национальной культуры! Последняя началась повидимому для г. Арнольда с масона-Радищева, чтобы затем через декабристов и взывавших к гильотине и топору Белинских, Писаревых, Чернышевских и «бесов» Достоевского пойти по «проторенным европейским мышлением» (в особенности мышлением Карла Маркса) путям и завести на-

С. Л. Войцеховский

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ИОРКА

18.

Прежде, чем сказать, где то оружие, которое мы, эмигранты, можем сегодня поднять на коммунизм, нужно спросить:

— В чем наше политическое назначение? Что можем и должны мы сделать для того, чтобы преемников Ленина и Сталина сменила в России новая власть, богобоязненная и человеколюбивая?

Коммунистическая диктатура будет — мы это знаем — уничтожена силой. Сожмется-ли кольцо воздушных баз, которыми свободный мир берет коммунизм в тиски? Найдутся-ли в самой России люди, которые попробуют избавить наш народ от коммунизма и войны? Сведется-ли тогда кровопролитие к единоборству между армией и правящей хрущевской кликой? Произойдет-ли, в случае победы армии, замена коммунизма новым строем? Окажется-ли диктатура сильнее всех своих противников? Когда и где, в этом случае начнется огневое столкновение, неизбежное в тот день, когда свободный мир признает, что ему грозит утрата превосходства его воздушных сил над силами большевиков?

Что ни вопрос, то загадка... Очевидно одно: — при любых событиях, нам, русским противникам коммунизма, будет неимоверно трудно найти в них наше место.

*

Отступление большевиков, которое, в их внешней политике, привело к таким событиям, как заключение Австрийского договора и покаянная поездка Хрущева и Булганина в Белград, в самой России ничем не отразилось.

Ныне коммунистов беспокоит желание Соединенных Штатов возбудить, в случае созыва конференции министров иностранных дел, вопрос о судьбе государств, захваченных большевиками после Второй Мировой войны. Это намерение — показатель нового соотношения сил — уже вызвало в красном стане живую тревогу. Такая тревога может способствовать разложению правящей клики. Она может ее сплотить. При любом из этих последствий, борьба тех сил, которые в Москве вступили в состязание после убийства или смерти Сталина, будет борьбою длительной. Мы, зарубежные противники коммунизма, сегодня на ее исход ничем воздействовать не можем. Наше значение внезапно увеличится, если новая власть, победив в Москве хрущевскую клику, под давлением внешнего мира снимет часть преград, отделивших Россию от свободной мысли и правдивого слова.

*

В случае войны, нашему участию в событиях помешают вначале два препятствия: современное оружие и присущее свободному миру незнание, непонимание России.

Современное оружие, примененное в войне внезапной, в войне навязанной свободному миру ростом советских вооружений, лишит, на первых порах, воюющие стороны того, что, не совсем точно, можно назвать прямым соприкосновением с противником.

Когда Гитлер воевал со Сталиным, его войска вторглись в Россию. Миллионы наших соотечественников сразу и немедленно испытали и надежду на освобождение, пробужденную первыми звуками войны, и бессмысленное зверство, с которым Гитлер и его приспешники отнеслись к русскому народу.

Это зверство стало одной из причин крушения Германии. Немцы слишком поздно убедились в том, что «Россию могут победить только русские». Движение, принявшее имя генерала А. А. Власова, уже не могло исправить ничего...

Свободный мир, в случае войны внезапной, пользуясь современным оружием, будет лишен вначале той возможности, которая представлялась Гитлеру и которую он, в самонадеянном ослеплении, безрассудно отвергнул. Атомные снаряды и водородные бомбы освободительных движений не родят.

*

Существуют американцы, которые это понимают. Как на пример, можно сослаться на ту памятную записку, которую, 5-го апреля 1955 года, представил президенту Соединенных Штатов председатель Американской Радио-Корпорации, генерал Давид Сарнов, родившийся в России, в бедной еврейской семье, и ставший в Америке одним из самых видных создателей ее оборонной промышленности.

В этой записке сказано все, что могла бы сказать генералу Айзенхауэру русская эмиграция. В ней упомянуты: необходимость довести борьбу до полного уничтожения большевиков; необходимость бороться не с Россией, а с международным коммунизмом; необходимость считаться с патриотизмом русского народа и избегнуть ошибок, совершенных в России Гитлером; необходимость вывести политических эмигрантов из положения, в котором они лишены возможности участвовать в борьбе; необходимость всячески способствовать созданию и работе эмигрантских политических кадров и даже срочная необходимость немедленной организации первоначальных штабов будущих освободительных армий. В записке Сарнова намечены мероприятия, которые, если осуществятся, произведут переворот в существующем ныне отношении Соединенных Штатов к русским и не-русским политическим эмигрантам.

К сожалению, записка Сарнова — полезный, но единичный шаг, не устраняющий того глубокого непонимания, с которым многие американцы и представители других свободных наций относятся к России. Иногда это незнание превращается во вражду и даже в ненависть ко всему русскому. Когда оно благожелательно, это незнание хочет еще раз навязать России «счастливые дни» Февральской революции.

*

Если будет война и если разгром коммунистов когда-либо даст свободному миру возможность вмешаться в жизнь России, попытка воскресить «Февраль» будет весьма вероятной. Начало русского позора и несчастья остается, к сожалению, для многих влиятельных американцев символом свободы — факелом, зажженным в черной ночи мрачного самодержавия.

Незнание побеждается просвещением, но кого просветит тот, кто сам насквозь пропитан нигилизмом, отрицанием, нетерпимостью, невежеством, тем «эмигрантским большевизмом», о котором, неожиданно и слишком поздно, вдруг заговорили исключенные из Н. Т. С. солидаристы, давшие в своей «Трибуне» столько потрясающих примеров заражения своей организации безбожием, злобой и нравственным разложением.

С этим-ли оружием мы двинемся в Россию? Им-ли победим вражду, с которой к нам относятся не одни только большевики, но и многие из тех, кто, в собственных интересах, должен был бы стать нашими союзниками?

Как бы ни сложились события, мы не повлияем на их исход, если не будем и для нашего народа, и для наших внешних друзей и недругов оруженосцами высоких свойств и качеств, несовместимых с большевизмом, как бы он себя ни называл.

В руную политическую жизнь, в наши организации, в нашу печать нужно вдохнуть новый дух, черпающий силу в вере наших предков и в традициях России, разумно примиренных с неизбежной новизной; богобоязненный и человеколюбивый; отвергающий злобу и нетерпимость; просвещенный и не отвергающий свободы, совместимой с общим благом. Только этот новый дух, который, в другой стране и в другой обстановке, можно было бы назвать консервативным и который в России, когда она воскреснет, объединит всех тех, кого мы ныне именуем народными монархистами, имперцами, русскими белыми воинами, власовцами и — шире и проще — честными, хорошими русскими людьми, только он вырвет с корнем и сожжет и цепкий бурьян коммунизма, и его опасную поросль — эмигрантский большевизм, только он защитит Россию от враждебных и доброжелательных попыток навязать ей несвойственный ей государственный строй.

*

— В начале бе Слово...

Этот Евангельский образ неприменим к быстротечным, к преходящим колебаниям политической жизни, но так же, как в его небесном, сокровенном смысле — с буквы прописной, земное слово — с малой буквы — было, есть и будет началом всех человеческих дел и поступков. В день своего освобождения, русский народ будет особенно нуждаться в просвещенном, честном, правдивом слове — в том единственном оружии, которое мы, эмигранты, уже сегодня можем поднять на коммунизм.

Свободное русское слово, нами рожденное, прорвет все рубежи и все преграды. Как капля, пробивающая камень, оно разобьет любые оковы. Как священное знамя, ведущее смелых в бой, оно сплотит новые русские рати и тогда, — как предсказал 30 лет тому назад безвременно скончавшийся поэт, так близко связанный с боевой организацией А. П. Кутепова, мы убедимся,

что за нами, крестящими словом,
будет воин, крестящий мечем...

С. Л. Войцеховский

ну родину через позорный Февраль к кровавой дате Октября.

И почему собственно г. Арнольд считает невозможным представить себе «иное, не-петровское развитие России»? Если бы сын Царя Алексея походил на него так же, как он походил на Царя Михаила, и был бы не гением, который в политике, по слову И. Л. Солоневича, хуже чумы, то уж наверно Россия продолжала бы идти своим спокойным, чисто русским путем, без дикой ломки всего того, что составляло именно ее подлинную русскость, включая быт и нравы. Почему технические заимствования должны обязательно сопровождаться отходом народа с его собственного, неповторимого духовно-исторического пути? У нас есть пример Японии, которая, взяв у Запада и блестяще употребив их для своей государственной пользы его практические достижения, осталась верна своим вековым национальным традициям, своей собственной народной культуре, своему культу монарха, своему быту и нравам. Почему же мы, наследники тысячелетней, славной и — до Петра — подлинно самобытной истории, должны будем «вернуть освобожденную Россию в Европу», к тем «принципам гуманизма и христианства, лежащим в основе ее культуры», которые не мешают носителям этих принципов торговать с каннибалами, равнодушно присутствовать при ежедневной мученической смерти тысяч русских — и не только русских — людей в концлагерях, клянясь на Евангелии, предавать этих людей в руки палачей, а этим палачам улыбаться и жать их окровавленные руки, заведомо обманывать свои собственные народы, кривляться на парламентских подмостках, диктовать граммофонные пластинки для тронных речей своих бессильных и бесправных монархов, отравлять алкоголем свои собственные народы и опиумом колониальные, состоять на содержании у гангстеров, мечтать о том, чтобы отбросить русских унтерменшей за Урал и — многое, многое другое.

Если г. г. Арнольды упорно хотят доказать, что они — люди без роду и племени и что поэтому на нашу освобожденную Родину надо напялить духовные и политические пиджаки с чужого плеча, и тем самым зачисляют себя в стан тех, для кого русская история начинается с проклятого Февраля, а русская культура с прошлого века, то именно их приходится упрекнуть в политической и исторической безграмотности, а никак не Н. Сарафанова, над статьей которого непредубежденные новые эмигранты должны серьезно задуматься и сделать тот практический вывод, что им, как нам, народным монархистам, с удешевленными изданиями наших отживших «сеятелей разумного, доброго, вечного» — не по пути!

Н. Потоцкий

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга Михаила Бойкова

Партизаны Холодной Войны

Сборник рассказов, частично печатавшихся в «Нашей Стране».
Цена книги — 1 ам. долл., в Аргентине — 15 песо.

Книга Михаила Бойкова **ПАРТИЗАНЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ** будет разослана всем подписавшимся на ВТОРУЮ серию Библиотеки «Нашей Страны», как шестая и последняя книга этой серии.

Издательство приносит свои извинения всем подписавшимся на ВТОРУЮ серию книг нашей Библиотеки не только за опоздание, с которым книги этой серии вышли в свет, но и за те изменения, которые оно вынуждено было произвести в намеченном первоначальном плане этой серии. Как одно, так и другое было вызвано теми трудностями, с которыми нам едва сейчас удалось все таки справиться.

П. Крачковский

Кризис в системе или кризис системы

III. ОРГАНИЗОВАННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Что касается России после освобождения, то помимо общих мер организации хозяйства указанных выше в ней надлежит разрешить несколько кардинальных проблем:

1) Аграрный вопрос разрешается наделением землей крестьян в полную собственность в общем на основах столыпинской реформы (отруба, хутора). «Крестьянство является становым хребтом русской нации — основным источником ее физического, материального, а также и духовного благосостояния» (И. Л. Солоневич. Тезисы. стр. 47).

Даже при теперешнем гипертрофическом росте городов крестьяне составляют 70 процентов населения. Крестьянство является не только самым многочисленным, но и самым здоровым физически и духовно слоем русского народа. Сытое, крепкое, зажиточное крестьянство, поставляющее продукты питания для всего населения и широко потребляющее фобричные товары — залог крепости и мощи всей страны.

При разнообразии климатических зон землеустройство не может быть единым для всей Российской Империи. Для каждой зоны устанавливаются размеры неделимого участка, как минимума, необходимого для полноценного трудового хозяйства, так и максимальное количество участков допускаемых законом для приобретения в одни руки.

Наделяя крестьян землею, государство должно придти крестьянину на помощь и техническими средствами. «Сеялки, молотилки, тракторы, косилки» и пр. тяжелый инвентарь должен быть в распоряжении сельских обществ, кооперативов, районных управлений (волостей) и т. д. Крестьянство должно быть снабжено племенными породами скота, с учетом климатических, географических и пр. условий. По этому же принципу должно быть организовано и птицеводство и огородное дело. Для переработки и более рационального и доходного хозяйства должны придти к нему на помощь разного рода кооперативы, но все это должно идти не сверху, путем декрета и приказа, а снизу, проявлением общественной инициативы».

«В каждом районе должны быть организованы показательные образцовые хозяйства, снабжающие крестьян отборными семенными злаками, фруктовыми саженцами, породистой птицей и племенными производителями. При этих хозяйствах должны быть образованы средние агрономические школы».

«Будущие села должны постепенно перестраиваться, согласно современным строительным требованиям. Село должно быть соединено с главными дорожными магистралями, дорогами, годными для автомобильной езды. Все села в постепенном плановом порядке должны быть электрифицированы».

«Ввиду продолжительности зимнего периода, крестьянину не могущему бросить свое хозяйство и уйти на это время на заработок в город или на фабрику, надо дать возможность получения подсобного домашнего заработка путем организации различного вида кустарного промысла, как для мужчин, так и для женщин, а так же изготовление различных предметов обмундирования и др. для армии, больниц, школ, интернатов и т. д.»

Эти фразы взяты мною из статьи «Земля — земледельцу», заключающей в себе тезисы по аграрному вопросу, принятые шестым общемонархическим съездом по докладу В. Н. Ржевского.

Мало что остается добавить к выше сказанному. Спор: хутора или отруба, за редкими исключениями должен быть решен в пользу отрубов.

Сосредоточение в одном пункте нескольких тысяч жителей дает возможность применить в нем «все современные требования городской техники и гигиены: канализацию, водопровод, асфальтирование и мощение улиц, электрофикацию, телефон, хотя бы для иногородного, дальнего пользования и т. д.

Что касается побочных промыслов и работ, то их разнообразие в деревне, может быть значительно увеличено: в районах богатых лесом — рубка и заготовка леса, дров, досок, приготовление окон и дверей стандартных размеров, изготовление всяких поделок из дерева, резных, точеных отдельных частей для телег, машин и т. д. В районах богатых шерстью — изготовление войлоков, шляп, валенок, шерстяной пряжи и т. д. Кроме того, более или менее повсюду — шитье стандартных размеров платья, костюмов, белья, пальто и т. д., заготовка обуви для универсальных магазинов, изготовление пряжи, холстов и т. д.

Электрофикация даст возможность осуществлять много работ на токарных, штамповочных и пр. станках, причем каждая семья сможет изготовлять лишь одну деталь, как это практикуется в Швейцарии, в часовой промышленности. Разукрупнение промышленности приблизит фабрики к деревне и даст много побочных заработков.

Для кредита селам и городам для их модернизации отчисляется какой то процент государственного бюджета с погашением на долгий срок.

Учреждается Государственный Ипотечный Банк, предоставляющий долгосрочный кредит для постройки жилых домов.

Крестьянину собственнику, ведущему на своей земле интенсивное хозяйство по последнему слову агротехники постройка капитального дома и служб будет вполне доступна.

Для ускорения предварительного технического рассмотрения проектов и планов Технический Отдел Ипотечного Банка разрабатывает несколько основных вариантов домов в 2, 3, 4, 5 комнат из кирпича, камня, пустотелых блоков, бетона (эдиссоновского типа, с разборными металлическими формами) и т. д.

Наделение крестьян землей в полную собственность, свобода хозяйственной инициативы, равенство всех перед законом возвратит крестьянину то почетное место кормильца Земли Русской, которое ему по праву принадлежит. Юридически равноправный и полноценный, крепкий, зажиточный крестьянин будет оплотом порядка и закона.

Промышленность. Сейчас вся промышленность принадлежит государству: первой заботой власти должна быть разгрузка правительства от чрезмерных забот путем частичной денационализации промышленности. Промышленностью управляет не государство, а бюрократия, а от нее все качества.

За государством остается: недра, открытые и эксплоатируемые к моменту смены власти, железные дороги, речной и морской транспорт, ключевая промышленность: нефть, уголь, железо, все военные заводы и заводы, непосредственно связанные с обороной.

В то же время всячески поощряется (если будут желающие) постройка частных железных дорог, портов, заводов, шахт, учреждения авто-транспортных и пароходных компаний и т. д. Все эти заводы и хозяйственные предприятия, деятельность которых не связаны с обороной и дальнейшее управление которыми государство найдет для себя ненужным и обременительным, денационализируется путем продажи, сдачи в аренду, акционирования, передачи служащим и рабочим. Вероятнее всего будут применены смешанные формы.

Независимо от приобретения акций, служащие и рабочие участвуют в прибылях: какой то процент чистой прибыли, допустим 10 или 20 процентов в конце отчетного года распределяется между служащими и рабочими в виде премий.

Участие в прибылях имеет два аспекта: экономический и социальный.

Заинтересованность рабочих в прибылях является без сомнения стимулом к более производительному труду, заставит рабочих более бережно относиться к механизмам (орудия производства) и материалам, сократит количество брака и увеличит продукцию, что с лихвой компенсирует процент отчисляемый на премии.

Появление в хозяйственной жизни частного сектора, помимо экономического раскрепощения хозяйства, имеет и аспект социальный. При свободном частном хозяйстве служащие и рабочие, недовольные хозяином, могут от него уйти в другое предприятие. Сейчас в подъяремной России правительство является единственным хозяином, единственным работодателем, от которого некуда деться, некуда уйти.

Государство поощряет образование всякого рода артелей, кооперативных обществ: страховых, потребительных, кредитных, производственных, строительных и т. д.

Для поощрения частной торговли и промышленности учреждается Центральный Индустриальный Банк с отделениями при всех конторах Государственного Банка.

Сохранение монополии внешней торговли является вопросом не догмы, а практической целесообразности: решение зависит от состояния внутрирусского рынка и промышленности и общей мировой хозяйственной конъюнктуры. Как бы ни разрешился этот вопрос впоследствии, на какой то переходной период времени, повидимому, будет сохранена монополия или в крайнем случае строгий государственный контроль внешней торговли.

«Основной задачей для ближайших десятилетий русского государственного строительства будет хозяйственное строительство. Все остальные внутри и внешне-политические задачи России должны быть безусловно подчинены задаче хозяйственного восстановления России и хозяйственного освоения имперской территории. С русской нищетой во всех ее вариантах должно быть покончено навсегда» (И. Солоневич. Тезисы).

Участие рабочих и служащих в прибылях помимо экономического значения имеет и социальное. Социальная справедливость диктует, чтобы рабочие и служащие создающие почти все материальные ценности промышленности, получали какой то % чистой прибыли.

Отчисление известного % прибыли для рабочих, удовлетворяя нормам социальной справедливости является в то же время своего рода страховкой от социальных потрясений. Как ни велики, как ни неприятны кажутся страховые квоты в нормальное время, их значение в полной мере оценивается только в период катастроф.

Наделение крестьян землей, участие рабочих в прибылях, предоставление им в акционерных компаниях известного количества акций, устройство арбитражных корпоративных комиссий для разрешения конфликтов труда и капитала, являются краеугольным каменем социальной справедливости и социального мира и порядка.

Содружество классов, социальная солидарность должны заменить собою прежнюю вековую вражду труда и капитала, рабочих и предпринимателей. «Принцип национального блага должен подчинить частные интересы и рабочих и предпринимателей, поставив оба эти слоя на службу нации».

«Нация становится монолитной, ибо норма социальной справедливости находит своего проводника и защитника — государственную власть». (Нация. Г. П. Апанасенко).

Итак, первая система характеризуется полной свободой частной промышленной инициативы, ограниченной только общими законами государства, перепроизводством в одних, недохваткой в других отраслях, хаосом, безработицей и хроническими кризисами. Богатство и безграничная власть одних в ущерб остальной людской массе. Алчность не считается с государственными и общественными интересами оставаясь в государственном организме чужеродным телом.

Вторая система при чрезмерном планировании ведет к хозяйственному хаосу, нехватке всего, неуверенности в завтрашнем дне и равенстве всех в нищете. Личности нет: она лишь средство, придаток к машине.

Наконец, задачей третьей системы системы организованного хозяйства, является утверждение самоценности человеческой личности в гармоничном сочетании интересов личности и государства.

Человек для государства и государство для человека.

П. Крачковский

От автора:

При обработке 3-й главы я пользовался трудом профессора Н. С. Тимашева «Очерки организованного хозяйства». **П. К.**

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
вторым изданием
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ
Цена — 1.50 долл.;
В Аргентине — 20 песо.

Иван Солоневич
Народная монархия
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПЕТР ПЕРВЫЙ
вышла отдельным изданием и поступила в продажу.

(Продолжение — 3)

— Явственная, — добавил Шелудяк.

Бадмаев пожал плечами.

— Бессмыслица или нет, но в результате ее мы имеем два трупа наших работников.

— А что в другой записке? — спросил Холмин.

— То же самое, — ответил начальник отдела, протягивая ему вторую записку. Действительно, в ней были такие же три строчки, как и в первой, написанные одинаковым почерком.

— Почерк мужской, энергичный, — заявил Холмин, рассматривая записки и сравнивая их. — Карандаш чернильный, дешевый, скорее всего школьный. Обе записки написаны на разрезанной пополам страничке из ученической тетради. Бумага серая, волокнистая. Краевое издательство, выпускающее эти тетради, хорошим качеством продукции не отличается. Дактилографические снимки с записок делали?

— Это — само собой. Сразу к нашим дактильным спецам поперли, — поторопился заверить его Шелудяк, по совместительству выполнявший в отделе обязанности заведующего дактилоскопическим сектором.

— Какие результаты?

Шелудяк с сожалением цокнул языком.

— Никаких. Токмо время даром потратили. Отпечатков пальцев не обнаружено.

— Значит, человек, писавший записки, был в перчатках?

— Сие мне не ведомо, — с еще большим сожалением объяснил заместитель начальника отдела.

— Скажите, где были обнаружены записки?

Шелудяк попытался было продолжать объяснения, но кивком подбородка начальник остановил его. Капитан послушно умолк.

— Мой заместитель разговаривает слишком отрывисто. А вам, конечно, понадобятся всякие подробности, — сказал Бадмаев.

— Да, пожалуйста. Расскажите об этом деле, по возможности, подробнее, — попросил Холмин.

Михаил Бойков

Рука майора Громова

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Так слушайте, — начал майор, поудобнее усаживаясь в кресле. — Ровно неделю тому назад милиция обнаружила ночью на улице, в районе рабочего городка, труп мужчины, застреленного обычным способом.

— Обычным способом? Как это понимать? — спросил Холмин.

— Нагановской пулей в затылок, стало быть. Вроде, как у нас на вышке*), — поспешил объяснить Шелудяк.

Бадмаев досадливо отмахнулся от него подбородком.

— Не лезь. Твоей помощи мне пока не требуется. Так вот, на месте преступления выяснилось, что убитый — управляющий одним из домов рабочего поселка — был нашим сексотом. К его груди, прямо к телу сквозь рубашку, английской булавкой была пришпилена записка, которую вы только что читали. На этот случай мы не обратили особенного внимания. Сексот — птица мелкая, обычный низовой работник НКВД. Однако, четыре дня спустя произошло второе убийство. На этот раз, убили нашего сотрудника покрупнее: младшего лейтенанта Карнаухова, оперативного работника по обыскам и арестам. Обстановка второго убийства — точная копия первого. Никаких следов убийцы или убийц не обнаружено.

— Пробовали собаку-ищейку? — задал Холмин вопрос Бадмаеву. За него ответил его заместитель:

— Само собой. Токмо подвела собачка.

— Как подвела?

— А так. Крутится вокруг трупа и чихает.

— Почему чихает?

— Неведомо. Есть предположение, что у нее насморк.

— А другую собаку не пробовали?

— Пробовали.

— Ну и как?

— Так же. И у нее насморк обнаружился.

— Странно.

— И даже весьма.

— Но неужели у вас собак без насморка нет?

— Нету. Нам по плану собакоснабжения больше двух собак не полагается.

Холмин повернулся на стуле к Бадмаеву.

— Скажите, где и в какое время произошло второе убийство?

— В номере гостиницы, который занимал Карнаухов: около десяти часов вечера.

— Мне бы хотелось посмотреть трупы убитых.

В ответ на эту полупросьбу, полутребование Холмина раздался фальцетный возглас капитана Шелудяка, в котором звучало сожаление.

— Так я же приказал их зарыть.

— Жаль, неодобрительно вздохнул Холмин.

— Так их можно вырыть, — предложил Шелудяк.

— Не надо, — махнул рукою Холмин. — Зачем тревожить мертвецов? После их похорон я не думаю, чтобы на них сохранились какие либо следы. Займемся лучше живыми.

— Да-да, — подхватил Бадмаев. — Необходимо заняться живыми. Серьезно заняться. А то эта проклятая рука майора Громова или те, которые ею маскируются, пожалуй, и до нас доберутся.

— Рука майора Громова, — повторил Холмин. — А кто такой майор Громов?..

*) Вышка — высшая мера наказания — расстрел.

Сфинкс, проглотивший Гитлера, остался еще более голодным, чем он был до этого пиршества.

Во всяком случае: базируясь на армиях Карно, Суворова и Бисмарка — можно было ставить «мировые цели». Опираясь на традиции бравого солдата Швейка или еще более бравого воина Гарибальди — можно было ставить оперетки или, в лучшем случае, оперы, но «Новая Римская Империя», под скипетром Фюрера Лаццарони и карбонариев, была, конечно, стопроцентным вздором. Можно было планировать «новую организацию Европы», базируясь на германской промышленности или на русском сырье, но нельзя было объединить Европу под властью страны, не имеющей ни промышленности, ни сырья, ни солдат, ни просторов.

Стихии всех четырех европейских революций были нацелены на грабеж в общечеловеческих масштабах. Всем четырем великим революциям мерещились «тираны» — Питти, Черчилли, Чемберлены, Александры. Все четыре великих революций с судорожной поспешностью приводили свои страны в положение сплошного военного лагеря и сплошной казармы. Якобинцы ковали копья и пистолеты, Сталин, Муссолини и Гитлер нажимали, по преимуществу, на авиацию. И за всеми четырьмя революционными стихиями стоял Великий Подонок, толкаемый страхом и жадностью. Страхом возмездия за прошлые грабежи и вожделения о грядущих.

Программа Сталина и Гитлера была, по существу, совершенно одинаковой. Дело шло о захвате, по меньшей мере, Европы для организации в ней социалистического рая. Исходные позиции обеих сторон были почти одинаково сильны, но источники этой силы имели различный характер; в Германии — высоко развитая промышленность, при нехватке сырья и населения. Гитлеру пришлось действовать на территории в 400.000 кв. километров, Сталину — на территории в 21 миллион. У Гитлера не было ни марганца, ни нефти, ни смазочных масел, — у Сталина было все, кроме машин. Для завершения своих вооружений и Сталину, и Гитлеру нужен был ввоз из заграницы. Свободные торговцы демократических стран охотно поставляли обоим точильные бруски для оттачивания ножей против самих себя. Но для этих брусков и Сталину, и Гитлеру нужны были деньги. А деньги можно было получить только путем экспорта.

качается между сытостью и недоеданием. Так, повидимому, было и в Спарте: была одинаковая спартанская похлебка для всех победителей, но низы получали одну порцию, середина — две, а верхи — целых три. Думаю, что человек, съедавший в три раза меньше ближнего своего, не был сыт никогда. Единственно, чем ему оставалось щеголять — это спартанскими добродетелями. Но, в конечном счете, не помогли и они.

В русском коммунизме больше напора. В немецком — больше расчета. В немецком — больше воровства, в русском — больше растрелов. Думаю, что для писателя-психолога, вот, вроде Достоевского, русский коммунизм безмерно интереснее.

Русский коммунист действовал по египетски-коровьему принципу: сожрал все, сам остался голодным и привел страну в такое состояние, что там даже и нацистам грабить было нечего. Грабила Германия, как государство: вывозила хлеб. Но хлеб, как объект личного грабежа, не имел никакой ценности. Для личного обогащения грабить было нечего. Служба на востоке означала для германского нациста нечто вроде ссылки. Служба на западе — определенную привелегию. На востоке было опасно, холодно и голодно. На западе были и бриллианты, и золото, и картины, и меха, были винные погреба и старинная мебель, были доллары и акции. На востоке ничего этого не было. Русские предшественники германских социалистов хозяйничали здесь уже двадцать пять лет. Все ценности России ушли заграницу для стройки оружия мировой революции, для оттачивания ножей, устремленных в животы мировой буржуазии. Но, когда наступила война, выяснилось, что ножи советского производства и плохи, и их мало, что чудовищное разграбление страны было произведено более или менее впустую, и что, приходится итти на поклон к той же мировой буржуазии, которая снабдила оружием: одних социалистов против других социалистов. Таким образом, великий четверть-вековой грабеж земли русской оказался, в конечном счете, только разбазариванием.

Мне было бы трудно сформулировать: в чем именно заключается моральная разница между русским коммунистом и немецким нацистом. Лично для меня русский коммунист гораздо отвратительнее, чем немецкий нацист. Но это приходит вовсе не вследствие того, что нацизм лучше коммунизма или наоборот. Это вопрос чисто личного отношения: так изо всего семейства обезьян отвратительными нам кажутся самые

ГЛАВА 4.

КТО ТАКОЙ ГРОМОВ?

— На ваш вопрос о Громове можно ответить коротко, — сказал Бадмаев Холмину — Майор Громов — это один из арестованных и расстрелянных нами врагов народа.

— Нет, уж пожалуйста не коротко, а со всеми подробностями и без всяких умолчаний и недомолвок. На этот раз отложите в сторону вашу чекистскую привычку делать из явного тайное, — решительно потребовал Холмин. — Для успеха расследования необходимы откровенные ответы на мои вопросы. Кто такой майор Громов и за что он арестован и расстрелян?

Подумав с полминуты Бадмаев ответил:

— Виктор Михайлович Громов — офицер царской и деникинской армий. В 1920 году пытался эмигрировать за-границу, но не сумел или не успел.

— Почему?

— Его жена, бывшая в армии сестрой милосердия, к началу эвакуации заболела тифом. Она умерла, когда эвакуация уже закончилась. Громов остался с трехлетней дочерью. Несколько лет он жил под чужой фамилией; потом, как и многие другие офицеры белых армий, был амнистирован и привлечен к работе в красной армии.

— А потом, как и многие амнистированные офицеры, был арестован?

— Нет, его арестовали не за это. Он оказался виноватым в другом. Он был антисоветски настроен и не скрывал своих настроений. Воспитывал красноармейцев не так, как это требовалось, а по-старинке, по традициям царской армии. Кроме того, имел связь с абреками*).

— В чем выражалась эта связь?

— Приезжая из своих горных гнезд тайно в город, абреки ночевали у него на квартире. С некоторыми из них он дружил.

— Какой воинской частью в красной армии командовал майор Громов?

— До 1932 года — пехотным полком, после этого — ротой.

— Что было причиной такого понижения в должности?

— Ему не могли больше доверять.

— Он же — контра. То-бишь, зело антисоветский элемент, — писклиго вставил капитан Шелудяк.

Не обращая внимания на писк Шелудяка, Холмин продолжал задавать вопросы:

— Почему тот или те, кто скрывается под псевдонимом «рука майора Громова», считали застреленных управдома и лейтенанта Карнаухова его убийцами? Какое отношение лейтенант и управдом имеют к аресту и расстрелу майора?

— К расстрелу — никакого, а что касается ареста то, — Бадмаев подумал, — управдом вел слежку за Громовым и оформил материал на него, а Карнаухов арестовал его.

— Вот как? Тогда давайте подумаем, кого еще «рука майора Громова» может считать его убийцами, — сказал Холмин. — После ареста, как обычно, началось следствие. Значит, нужно ожидать покушения «руки» на следователя и теломеханика.

— По-моему, не совсем так, — возразил Бадмаев. — Теломеханика у Громова не было. К нему не применялись методы физического воздействия. Было достаточно улик против него и его сообщников.

— Громов имел сообщников?

— Да. Четырех.

— Они тоже расстреляны?

— Нет. Решением особого совещания НКВД высланы в концлагеря на разные сроки.

— Так. Пойдем дальше, — продолжал Холмин. — После следствия был суд. Значит, в опасности и члены суда?

— Нет, — снова возразил Бадмаев. — Майора Громова не судили. Он был приговорен к расстрелу особым приказом по отделу НКВД.

— Кто подписал приказ? — быстро спросил Холмин.

— Я, — вздохнул Бадмаев.

— Н-да, — протянул Холмин. — Не завидую я вам, гражданин начальник.

На плоской физиономии Бадмаева отразились растерянность и страх.

— Последнее обстоятельство, — загудел он дрожащим басом, — беспокоит меня больше всего. Ведь я под пулей этой растреклятой «руки». Избавьте меня от нее и я прекращу ваше следственное дело и выпущу вас на свободу.

ГЛАВА 5.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сердце Холмина заколотилось быстро и радостно.

— Постараюсь... избавить, — с трудом выдавил он из себя.

— Сумеете найти руку?

— Попробую, — несколько оправившись от волнения, уже тверже ответил Холмин. — Только вы, гражданин майор, свое обещание не забудьте.

— Не забуду. Не беспокойтесь, — кивнул подбородком начальник отдела и спросил, понижая бас, в котором одновременно звучали надежда и сомнение:

— А вы действительно опытный спец по раскрытию уголовных преступлений?

— Не знаю — опытный или нет. Но те дела, за которые я брался, мне раскрывать удавалось.

— Вы что же раньше в угро работали?

— Может, из лягашей, а допрежь того в урках обретались? У нас такое бывает часто и густо, — дополнил Шелудяк вопрос своего начальника.

— Ни агентом уголовного розыска ни уголовным преступником я не был, — ответил Холмин.

— А где-ж по уголовщине насобачились? — прищурился Шелудяк.

(Продолжение следует)

*) Абреки — северо-кавказские повстанцы против советской власти.

человекообразные, они слишком уже близки к какой то злобной карикатуре на «гомосапиенс»-а. Русский коммунист есть все-таки р у с с к и й коммунист. Русская пословица говорит: «чужой дурак — смех, свой дурак — стыд».

То же отношение и к своим и чужим социалистам.

ГЕОГРАФИЯ И ПОДГОТОВКА

Социализм не отменил ни истории, ни психологии народов. Германская революция и конец германской революции все-таки повторяют основные психологические мотивы «Песни Нибелунгов». Итальянская революция и конец ее все-таки смахивают на оперу — или, если хотите, на балаган: плащи, заговоры, предательства, и последнее убежище Муссолини — в каком то декоративном горном гнезде, откуда его сценически спасают рыцари германской Люфтваффе — все это как то не очень серьезно. Так и кажется, что, вот, все эти сценические герои и злодеи, тенора и басы, снимут с себя подвязанные бороды, смоют оперный грим и пойдут в траттарию пить жидкое вино и хвастаться еще более жидкими победами. Последний акт берлинской песни о Нибелунгах все-таки достигает насыщенности древне-греческой трагедии: под пылающими развалинами Берлина, без пяти минут «мировой столицы» Великий Вождь Великой Страны засовывает в рот холодный ствол револьвера, а последние дружинники готовят ему погребальный бензиновый костер. И, вместе с вождем, как и в древние времена, приносятся в жертву его кони (Геббельс) и жены (Ева Браун). Воины взрывают последнее золото (мосты) Рейна и Эльбы, жгут склады хлеба и консервов, чтобы не досталось никому. Во всем этом есть свое зловещее величие. Но Муссолини, переодетый в бабье платье, пойманный по дороге, как мелкий воришка, убитый и выставленный на оплевание лаццарони — это смесь Борджиа и Боккачио, смесь похабщины и крови, балагана и застенка. В русской революции незримо, но ощутительно присутствует дух монгольских орд — дух дикой конницы, вооруженной самой современной техникой управления — по тем временам китайской техникой.

Но все это трудно уловимо и еще труднее доказуемо. Гораздо более ясны географические и экономические предпосылки всех трех великих революций начала XX века.

Для всякой великой революции нужен некий духовный и материальный политический простор. Франция конца XVIII века была сильнейшим государством Европы, ее население равнялось 20% всего европейского (сейчас только 8%), ее культура являлась ведущей культурой мира. Сейчас всего этого уже нет. Все это съедено рядом последовательных революций. Но в конце XVIII века французские якобинцы имели достаточную опорную точку, чтобы попытаться по Архимеду, перевернуть мир. Масштабов сегодняшней Дании для этого, очевидно, недостаточно. Чешским, датским, польским и прочим социалистам таких же размеров, приходится оглядываться на более сильных соседей и сообразовать свою внутреннюю политику с реакцией окружающего мира. Товарищу Сталину, царствующему на просторах одной шестой части земной суши, на реакцию окружающего мира более или менее наплевать. Или, иначе, для свободных операций революционным ножом, нужен и достаточный простор, в Чехии или Дании просто развернуться негде. Может быть именно поэтому русская революция оказалась долговечнее всех других.

Все три революции — русская, итальянская и германская, как полтораста лет тому назад и французская революция, поставили себе «общечеловеческие цели» — цели ограбления, по мере возможности, всего человечества. Принимая во внимание наличие океанов и прочих водных преград «все человечество» эквивалентно в этом случае Европе. Французской революции удалось ограбить почти все. Это же удалось и германской революции. Не знаю, удастся ли русской Революционные армии Карно, полученные Робеспьером в наследство от старого режима, были все-таки лучшими армиями Европы тех времен, как германские армии Вильгельма II и Гитлера были, вероятно, лучшими армиями Европы наших лет. Красная армия, немотря на полное восстановление погон, традиций и уставов царской армии — это еще Сфинкс, облизывающийся на своего очередного Эдипа. Гитлера она кое-как съела — правда, не без посторонней помощи. Но, если бы Гитлер проявил хоть чуть-чуть больше догадливости — Красная армия перестала бы существовать уже в 1942 году — она перебежала бы (перешла бы) на сторону любого русского, но антибольшевистского правительства. Адольф Эдип не разгадал загадки — и был проглочен. Сегодняшние мирные конференции переполнены очередными Эдипами. А

Борис Ширяев

Любовь к русскому человеку

(К 69-летию со дня кончины Н. С. Лескова)

Старый деревенский поп, отец Никодим, столь многому научивший меня в мои соловецкие годы, говаривал:

— Такую мать, какая тебе, примерно, конфетку или пряничек дает, такую мать любить совсем не удивительно. За конфетку и собачка на задних лапках пляшет. А вот если ты, сынок, примерно, свою бы мамашу увидел в луже, в грязи валяющейся, пьяной, расхристанной, да из лужи-то ее вытащил, домой бы свел, с ласкою, с бережением, обмыл бы, спать бы бы уложил... Вот тогда это значит, и была бы твоя к ней настоящая любовь!..

Отец Никодим говорил всегда очень просто, пользуясь, как притчами, бытовыми примерами, а интеллектуально вылощенный интеллигент формулировал бы сказанное им так:

— Любовь бывает двух родов. Одна — к отвлеченному, неведомому, порою быть может даже вымышленному объекту, которому приписывается целый ряд несвойственных ему качеств. А другая — к объекту, познанному полностью и с положительных и с отрицательных его сторон, осознанному и в его взлетах и в его падениях...

Вот именно такою второго рода любовью любил Россию Николай Семенович Лесков.

Но чем же была для него наша великая мать Россия? Отвлеченной, абстрактной идеей, как, например, для Бердяева? Или грандиозным историческим организмом, блистающим славою и великолепием, как для многих наших крупных политических деятелей? Или просто пейзажем, перелеском трепетных березок, сумеречным российским лугом левитановских тонов, какою нередко она представляется нам теперь в годы скитаний по миру?

Для Лескова эта наша общая мать была прежде всего е е ч е л о в е к о м, тем, который выносил в своем сердце отвлеченную идею Бердяева, множество поколений которого оформило эту идею в блистательный исторический организм, ч е л о в е к о м, бродившим по росистым лугам и березовым перелескам, жившим в них единой неразрывной с ними жизнью, переживавшим вместе с ними и радость солнечного утра, и тоску осенней ночи, и ведра и грозы, и благость и скорбь.

Этого р у с с к о г о ч е л о в е к а на всех ступенях его развития, на всем протяжении социальной лестницы составляющего единый и великий русский народ, Николай Семенович Лесков знал столь полно и глубоко, как, вероятно, не знал никто до него и вряд ли кто-либо познает в будущем. Не только познает, но расскажет о нем, покажет его.

Восстановим в своей памяти хотя бы основные произведения Лескова и расставим в некотором порядке огромную галлерею мастерски зарисованных им портретов этого р у с с к о г о ч е л о в е к а. Мы увидим в ней императора Николая I, понятого Лесковым и показанного не великим самодержцем, но заключенным в этой исторической форме р у с с к и м ч е л о в е к о м с р у с с к о ю д у ш о й. Рядом с ним — его министры: граф Ланской («Однодум»), знаменитый финансист граф Капкрин («Совместители»), глава русской Церкви того времени митрополит Московский Филарет, генералы, властные крупные помещики Плодомасовы и Протозановы, их крепостные всех разрядов, купцы всех мастей и оттенков, порою размашистые, сумасбродные «чертогоны», порою энергичные, умные создатели и вместе с тем чуткие, отзывчивые к горю ближнего люди («Овцебык»), крестьяне-старообрядцы («Запечатленный ангел»), широкий подбор портретов обычного нашего среднерусского крестьянина, городское и сельское духовенство («Соборяне» и много рассказов), рядовые офицеры («Кадетский монастырь», «Человек на часах»)... Можно было бы назвать еще много профессий, социальных положений, жизненных обстановок, внутренних душевных переживаний, в которых показывает нам р у с с к о г о ч е л о в е к а Н. С. Лесков, но для этого не хватило бы времени ни у автора, ни у читателя этой статьи. Поэтому скажем коротко: **в творениях Н. С. Лескова перед нами проходит вся Русь-Россия в целом, в лице ее ч е л о в е к а,** так же взятого в целом, от зенита его взлета до бездны его падения. Но это не значит, что Н. С. Лесков разграничивает выведенные им типы на овнов и козлищ, на положительные и отрицательные. Подобное деление он производит чрезвычайно редко, в большинстве же берет каждый изображаемый им персонаж, полностью совмещая и положительные и отрицательные его черты, не противополагая одно другому, но сливая обе стороны в гармоничном сочетании их в р у с с к о й д у ш е.

Возьмем, например, пожалуй, наиболее любимого как самим Н. С. Лесковым, так и читателями, непомерного дьякона Ахиллу «русского богатыря с голубиной душой», возвышающегося до возможных человеку пределов в своей сыновней любви к протоиерею Савелию Туберозову. Но разве не опасно было бы сесть с тем же дьяконом Ахиллой за обеденный стол, особенно, если на нем стояло достаточное количество бутылок? Разве не впал в атеизм тот же дьякон Ахилла при своей поездке в Петербург и не покаялся ли в этом грехе дождливой осенней ночью приведенный к покаянию возлюбленным им учителем? А вот «Очарованный странник», он же «Несмертельный Голован». Каким огромным запасом всевозможных положительных качеств обладает его широкая русская душа, но вместе с тем в скольких смешных, нелепых, а порою даже противоречащих прописной морали положениях показывает его нам Н. С. Лесков. Рядом с ним — объятый любовью к «малым сим» тихий труженик Котин-Доилец, молящийся даже за воров, которые украдут у него плоды его труда, но за всю свою жизнь этот Котин-Доилец, несмотря на все свои старания, так и не научился подписывать свое имя.

Великая правда о р у с с к о м ч е л о в е к е, сказанная Н. С. Лесковым, состоит именно в том, что он понял этого человека, **в с о в о к у п н о с т и темных и светлых его сторон,** дающих в созвучии именно ту «теплоту русской души», которую подтвердил своим святительским словом митрополит Филарет:

— Блеску, свету, может быть, и маловато, да зато теплоты много в русском человеке.

Вряд ли возможно понять эту правду, а тем более показать ее рационально логическим путем. К ней можно притти только интуитивным порядком и основой этой интуиции может быть только любовь, та самая любовь к р у с с к о м у ч е л о в е к у, которой дышит каждая строка каждого рассказа, каждой повести Н. С. Лескова. Эта одухотворяющая его любовь позволяет ему проникать в самые глубины духовного мира и находить там приглушенную, засыпанную пеплом, но все же тлеющую и греющую искру Божию. Даже в стане своих непримиримых врагов — русских нигилистов, набросав яркими штрихами целый ряд их портретов в публицистическом романе «На ножах», Лесков все же сумел отыскать и показать положительный тип нигилиста, которому явно симпатизирует сам автор и возбуждает то же чувство в читателях. Я говорю в данном случае о капитане-севастопольце, фамилию которого я, к сожалению, позабыл, а романа под рукой у меня нет. Или «Леди Макбет Мценского уезда», совершившая множество отвратительнейших преступлений, но вместе с тем умевшая жертвенно любить и покоряющая нас силою этой своей жертвенности.

Констатируя присутствие искры Божией в душе каждого человека, Лесков беспрерывно показывает нам в длинной вереница подчас документированных им примеров особую, свойственную лишь русскому духу специфику горения этой искры. Он утверждает, что русский психический склад построен всецело на устремлении не к внешнему, как у большинства иных культурно-национальных типов (в особенности англосаксов), но внутрь самих себя; он показывает нам суровых и даже жестоких во внешних своих проявлениях людей, но вместе с тем внутренно устремленных и беспрерывно действенно идущих к совершенствованию своего «нутра», к организации своей души. Таковы, например, «Павлин», «Пугало», тот же «Очарованный странник»...

К моему глубокому сожалению, приходится очень коротко и сжато, лишь в общих чертах говорить в газетной статье на огромнейшую и глубочайшую тему — руссизме Н. С. Лескова, «руссейшего русака», под именем которого вошел он в нашу литературу. В настоящее время погружение в творчество Н. С. Лескова в целом для нас особенно ценно, так как именно его литературное наследие указывает нам самый короткий, самый прямой и самый верный путь к познанию самих себя, как р у с с к и х л ю д е й, как хранителей русского н а ц и о н а л ь н о г о т и п а. Именно поэтому интерес к Лескову и по ту и по эту сторону Железного Занавеса в наши дни беспрерывно возрастает, ибо наш период характерен тем, что переживаемая всем российским народом величайшая в его жизни трагедия подходит к концу и мы, пройдя сквозь муку кризиса, близимся к выздоровлению, к пониманию самих себя, как детей России, а вместе с тем и учимся любить ее, нашу мать не «за конфетку», а «в грязи лежащую», как говорил отец Никодим, и не только в грязи, но в оковах, в муках, в крови и на гноище.

Борис Ширяев

«НАША СТРАНА»
В САН-ПАУЛО (БРАЗИЛИЯ)
продается
в магазине «КНИГА»
ул. Сан Бенто, 217, комната 124

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«НАША СТРАНА» обращается ко всем своим читателям с большой и серьезной просьбой: всеми силами помочь нашему издательству в распространении изданных им книг.

Все вышедшие из печати книги имеются как на складе издательства, так и у всех представителей газеты на местах, о чем хорошо известно каждому нашему читателю, но их н е т, или почти нет, в витринах книжных магазинов и потому о существовании их, быть может, даже и не подозревают широкие круги нашей эмиграции, среди которых эти книги безусловно могли бы найти покупателей.

Мы обращаемся ко всем нашим читателям с покорнейшей просьбой: везде и всегда, среди своих друзей и знакомых пропагандировать изданные «Нашей Страной» книги; по мере сил и возможности быть посредниками между нашим издательством и его представителями — с одной стороны, и теми русскими людьми, которые, ознакомившись с нашими изданиями, пожелали бы их приобрести — с другой.

Материальное положение нашего издательства таково, что выпуск новых, намеченных к изданию, книг зависит исключительно от того, как скоро наш скромный оборотный капитал возвратится в нашу кассу!

Помощь наших друзей в распространении наших книг может значительно ускорить темпы продажи книг и тем самым способствовать скорейшему изданию следующих томов Полного собрания сочинений Ивана Лукьяновича Солоневича — в первую очередь.

Розыски

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией «Нашей Страны» или ее представителями на местах.

ВНИМАНИЮ ХАРБИНЦЕВ!

В 1920 году, в г. Харбине (Манжурия), после смерти **Николая Александровича Дробышева** остались его малолетние дети: от первой жены — **Мария** (Мума) и **Константин**, и от второй жены — **Валентина** и **Галина**. Просьба к лицам, коим что-либо известно о дальнейшей судьбе этих детей, сообщить в редакцию «Нашей Страны».

Григорий Неймач, проживающий в Монтевидео, разыскивает **Николая Письменного** и **Михаила Веденского**, выехавших приблизительно в 1925-30 гг. из Дубно на Волыни во Францию, а впоследствии — в Южную Америку. По слухам, Михаил Веденский во Франции принял священство. Сведения направлять в редакцию «Нашей Страны».

Мария Петровна С а в и ч е в а разыскивает сестру **Акулину Петровну CHARLES**, урожд. Савичеву, последний адрес которой в 1940 году был:
P. O. Box 118, San Francisco, U.S.A.
или ее сыновей **Виктора** и **Жоржа Ч а р л ь з**.
Лиц, что либо о них знающих, просят писать по адресу:
Caixa Postal 8405, Sao Paulo, Brasil

Día de la Bandera

20 de Junio

En un nuevo aniversario de la muerte de su creador, la bandera nacional será honrada hoy en todo el país y en todo lugar donde alguno de sus hijos vuelva los ojos hacia la Patria y la recuerde, augusta madre de generaciones libres, emprendedoras, civilizadas.

Instantes de prueba y días innumerables de bonanza ha visto nuestro solar desde la jornada en que fué izada por primera vez la enseña de los argentinos. Imponiéndose al tiempo, salvando las distancias, superando a los hombres y contemplando cómo vuelven al polvo las cosas perecederas y surgen en los surcos nuevos retoños promisorios, el lábaro santo cubre con su sombra profunda el tendido territorio, agitado por las borrascas o mecido suavemente por los dulces vientos. Una, enhiesta, majuestuosa, es igual a sí misma siempre, y en su perennidad señala su valor trascendental. Ella nos junta en el hecho material de la vida común y representa el lazo espiritual que nos hermana.

Hombres nacidos aquí y hombres de otras tierras reverencian hoy al símbolo que a nadie y a todos pertenece, porque cuando de ellos no haya memoria, todavía llegará al tope de los mástiles para enseñar el camino a quienes nos sucederán en horas inimaginables. Rendidos estamos ante sus colores generosos, como siempre, y no aceptamos, sino que queremos, doblar la frente ante ella, señora de nuestro esfuerzo, paño de nuestras lágrimas, cálido manto de nuestro frío, alegre guiadora de nuestras hazañas.

Detrás de ella proseguimos la marcha, un andar pausado y sereno, continuo y tenaz, que nada ni nadie puede detener. Un pueblo con la historia que aprendimos nosotros, un pueblo con el alma que nosotros compartimos, va siempre hacia adelante y necesita que a su frente aparezca este blanco y celeste que nos identifica entre otros pueblos. Por ella se sabe quiénes somos: gente de paz y de trabajo, gente que sueña con grandes cosas, gente de cara al porvenir.

Renovemos hoy nuestros votos mejores de servirla con honor, y de no declinar jamás en la intención de que ella, rectora insubstituible, añada nuevas glorias. Y al hacerlo, pensemos en quien la puso sobre nosotros, movido por este mismo sentimiento patriótico, inflamado por este mismo amor donde reside nuestra redención y nuestra grandeza.

("El Mundo", No. 9777)

Михаил Бойков

ЛИТЕРАТУРА В КАВЫЧКАХ

Идеологически выдержанная пошлость

На общем заводском собрании членов профсоюза, когда повестка дня была исчерпана, профсоюзный организатор или, как его сокращенно называли, профорг, Курицын объявил:

— А завтра, товарищи, в нашем рабочем клубе будет концерт. Для участия в нем приезжает к нам из города голкварт.

Из зала собрания раздались возгласы:

— А что это такое?

— Он голый, что-ли?

— Может, голодный?

— И почему кварт?

Курицын сразу же оборвал крикунов:

— Давайте, товарищи, не будем подавать с мест антисоветские реплики. Поэтому, как НКВД поблизости. Голкварт это сокращенно, а полностью — голосовой квартет. Четверо мужчин вместе петь будуть. Вход бесплатный...

Профорг Курицын был хотя и молодой, но выдержанный коммунист. Выступление «голкварта» мы слушали вместе. Он сидел рядом, справа от меня.

На сцене четверо потасканных субъектов в бархатных блузах и с большими красными бантами распевали советские песни. В числе их была одна новая, до того мною неслышанная. Ее «голквартовцы» начали петь, изобразив на своих мятых физиономиях очень сладкие улыбки:

— На газоне фабричного парка
Буйным цветом цветет резеда;
Можно галстук носить очень
яркий
И быть в шахте героем труда.

С последним словом этого куплета певцы сменили улыбки на театральное выражение крайнего удивления и, разведя руки, обратились друг к другу с вопросами:

— Как же так — резеда?
И герои труда?
Почему — растолкуйте вы мне?

И сейчас же, опять пустив по лицам сладкие улыбки, речитативом ответили сами себе:

— Потому, что у нас
Каждый молод сейчас
В нашей юной, прекрасной
стране...

Сидевший рядом со мной Курицын неожиданно прошипел мне в ухо:

— Какая пошлятина! До чего мы докатились!

Песенка о резеде и героях труда была таким образцом советской идеологически выдержанной пошлости, что его не выдержал даже выдержанный коммунист.

Этот случай двадцатилетней давности вспомнился мне на-днях, при чтении полученной из СССР последней книжной новинки — сборника очерков Я. Макаренко «В стране друзей».

Специально ездивший в порабощенную коммунистами Польшу, советский журналист Макаренко, не жалея «резедовых» красок, описывает «счастливую и радостную жизнь польских трудящихся». По отзывам советских критиков (например Ю. Гарина) книга эта «увлекательно и красочно, тепло и взволнованно рассказывает о новой жизни в свободной Польше, о ее замечательном, талантливом и трудолюбивом народе». В действительности же сборник очерков Я. Макаренко — представляет собой шаблонную, давно набившую оскомину советскому читателю, смесь «резеды» и «героев труда», очень похожую на песенку «голкварта» о них.

О содержании книги можно судить даже не читая ее, по заголовкам помещенных в ней очерков: «Рождение трактористки», «У мастера угля», «Большая кузница» и др. В каждом из них автор нудно и по-советски казенно пишет о так надоевших и опостылевших, — и русским и полякам, — «социалистическом соревновании», «стахановском движении», «производственных планах», «трудовом героизме» и тому подобном. По Макаренко все поляки охвачены единым стремлением — строить коммунизм, и все их мечты, слова и дела посвящены только этому. Вести доходящие к нам из Польши, свидетельствуют об ином, о том, что на собственной шкуре испытал каждый советский гражданин: о рабском труде и голоде, о свирепом полицейском терроре и партийном засильи. Так что в Польше, вопреки утверждениям макаренок, «резеда» произростает колючая.

В очерке «Вечно великое» автор утверждает, что поляки «свято чтут память В. И. Ленина (который некоторое время жил в Польше. М. Б.), человека, с которым связана новая эпоха мировой истории». Утверждение это, мягко выражаясь, не соответствует действительности. Хлебнув коммунизма, поляки проклинают его творцов, а с коммунистами — своими и чужими — расправляются в удобных для этого местах и при каждом удобном случае. Количество повстанцев в польских лесах и болотах растет.

Герои очерков Я. Макаренко говорят те же самые слова, которые до них произносили сотни вымышленных людей в произведениях советских писателей. Например, старый польский шахтер Виктор Маркевка, (если верить автору), заявляет:

«— Горняк под землей, металлург у горна, пахарь за плугом — весь наш народ трудится теперь не на тунеядцев — капиталистов и помещиков, а сам на себя.»

Сколько раз приходилось мне читать подобные же выражения, давным-давно ставшие избитыми и шаблонными...

«В стране друзей» не только яркий образец литературной, идеологически-выдержанной пошлости, но и особый «социальный заказ». Он был выпущен из печати специально ко дням десятилетия советско-польского «Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве».

Как и два десятка лет тому назад, так и теперь «буйным цветом цветет» идеологически выдержанная пошлость в литературе и песнях, в театре, изобразительном искусстве и кино. Цветет там, где человек порабощен коммунизмом, где есть партийная почва для ее цветения. Но придет время, когда эту «резеду» вырвут с корнем.

Михаил Бойков

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Argentina
Buenos Aires

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 3406 Correo Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, calle 14 de Mayo № 80, piso 1o., Oficina del Ing. Cámeron, Asunción. Tel. 39-76.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif., USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. E, San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store 327 E 11-th St. New York 3. N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31. N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 7608-119 Ave., Edmonton, Alta.
Mr. L. D. Kostyria, 20, Palmerston Gdns. Toronto, Ont.
Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Diné Catierville (Montreal) P. Q.

EUROPE:

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue le Villiers, Neuilly s/Seine. Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich. Wolfsburg Postfach 63.
Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev Cas. poste le 102, San Remo.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.
Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.
Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.
Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney N. S. W.

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

1955 НАША СТРАНА 1955

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Всеволода Дубровского

НАША СТРАНА

ПОДПИСКА
принимается Редакцией «Нашей Страны» и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок: на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров газеты). Стоимость отдельного номера в розничной продаже или при подписке — одинакова.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 4 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

НАША СТРАНА

По ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии — 5.50 круз.; в Венецуэле — 1.25 болив.; в Парагвае — 5 гуарани; в Чили — 12 чил. песо; во Франции — 100 фр.; в Германии — 1 нем. марка.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем на десять номеров вперед.